

УДК 93/94

DOI: 10.18324/2224-1833-2021-1-110-117

Биография Д. Банзарова: практика взаимодействия внутреннеазиатской традиционной и европейской научной культуры в России в XIX веке

С.Г. Жамбалова

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (ИМБТ СО РАН), ул. Сахьяновой, 6, Улан-Удэ, Россия

zhambalovas@yandex.ru

Статья поступила 25.02.2021, принята 04.03.2021

В статье рассматривается биография первого европейски образованного российского ученого-буряты Доржи Банзарова как свидетельство социальной адаптации бурят в первой половине XIX в. к практике российской жизни, их включенности во внутреннюю социально-экономическую и политическую реальность страны, а также взаимодействие бурятской/внутреннеазиатской традиционной и российской/европейской научной культуры. В эти процессы вовлекаются буряты, монгольязычный народ Внутренней Азии, и особенно трансграничное население – бурятские казаки-буддисты. Приведенные в статье факты свидетельствуют о том, что Забайкалье благодаря трансграничному положению становится своеобразным плацдармом для развития российского монголоведения, позволяющим достигнуть значительных научных результатов.

Ключевые слова: Доржи Банзаров; Внутренняя Азия; Россия; взаимодействие; традиционная и научная культура.

Biography of D. Banzarov: the practice of interaction of traditional Inner Asian culture and European scientific culture in Russia in the 19th century

S.G. Zhambalova

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences (IMBTS SB RAS); 6, Sakhyanova St., Ulan-Ude, Russia

zhambalovas@yandex.ru

Received 25.02.2021, accepted 04.03.2021

The article examines the biography of the first European educated Russian Buryat scientist Dorzhi Banzarov as evidence of the social adaptation of the Buryats in the first half of the 19th century to the way of Russian life, their inclusion in the internal socio-economic and political reality of the country, as well as the interaction of the Buryat / Inner Asian traditional and Russian / European scientific culture. These processes involve the Buryats, the Mongol-speaking people of Inner Asia, and especially the cross-border population - the Buryat Cossacks-Buddhists. The facts presented in the article indicate that Transbaikalia, due to its transboundary position, is becoming a kind of springboard for the development of Russian Mongolian studies, which allows achieving significant scientific results.

Keywords: Dorzhi Banzarov; Inner Asia; Russia; interaction; scientific culture; traditional culture.

Введение. Актуальность темы статьи обуславливает то обстоятельство, что биография и научная деятельность Доржи Банзарова, первого европейски образованного российского ученого-буряты, демонстрирует глубину социальной адаптации бурят в первой половине XIX в. к практике российской жизни, их включенность во внутреннюю социально-экономическую и политическую реальность страны, а также взаимодействие бурятской/внутреннеазиатской традиционной и рос-

сийской/европейской научной культур. Об этом свидетельствует исследовательская и гуманистическая парадигма основ российского университетского монголоведения, сформулированная О.М. Ковалевским на открытии кафедры в 1833 г. Отмечая важность взаимодействия с бурятским народом при изучении его языка, истории и культуры, он подчеркивал: «Таким образом Казанский университет... вошел в сношение с монгольскими племенами и, действуя на развитие умственных сил сего

народа, стремится проложить путь к ученым исследованиям истории, древности, религии и литературы Средней Азии, открыть новые источники учености для любознательной Европы» [1, с. 80].

Цель статьи – исследовать взаимодействие бурятской/внутриазиатской традиционной и русской/европейской научной культур на примере биографии и научной деятельности Д. Банзарова. Доржи Банзаров (1822–1855) – выходец из семьи бурятских казаков-буддистов из табангутского рода (сартул), расселенного в приграничных районах Бурятии с Монголией – Джидинском и Кяхтинском. В рассматриваемые годы территория относилась к Селенгинской степной думе. Табангуты в начале XVIII в. вышли из Монголии, расселились здесь и ассимилировались с бурятами, сохранив до настоящего времени цонголо-сартульское наречие, наиболее близкое литературному монгольскому языку, один из четырех крупных говоров бурят [2, с. 177].

В российском и мировом масштабе имя Д. Банзарова широко известно историкам, монголоведам, филологам, этнологам и др. Ученому посвящено достаточно научных работ: согласно библиографии литературы о нем, в 1997 г. их 324, из них 14 – на иностранных языках. Библиография работ с 1849 до 1955 гг. подготовлена Г.Н. Румянцевым, а с 1955 по 1996 гг. – Д.Б. Улымжиевым [3, с. 7]. Публикации в основном носят мемориальный характер. В дореволюционное время – это некрологи в связи с его ранней смертью, а также изданная в 1855 г. в Санкт-Петербурге брошюра П.С. Савельева, посвященная жизни и трудам ученого [4], в советское – опубликованные доклады и выступления, состоявшиеся на конференциях к юбилейным датам. В XXI в. научных публикаций о нем немного, серьезной монографии о жизни и деятельности до настоящего времени нет. Д. Банзарову посвящено несколько художественных произведений, наиболее известным является историко-биографический роман-диалогия Ч.-Д.Ц. Цыдендамбаева «Дожи, сын Банзара» (1952) и «Вдали от родных степей» (1958). В 2021 г., в канун 200-летия ученого, увидели свет два произведения: 52-минутный документальный фильм известного режиссера О.Л. Юмова «Первый бурятский ученый Доржи Банзаров», показанный для широкой публики на телеканале «Ариг Ус» 13 февраля 2021 г. [5], и моноспектакль по пьесе Ч. Дондокова «Дорж» (режиссер-постановщик О.Л. Юмов), онлайн-премьера которого состоялась в «Буряад театре» в Улан-Удэ в начале 2021 г.

Материалы и методы. Источниковой базой статьи послужили литературные источники, включая работы Д. Банзарова, статьи о нем и других российских монголоведах, в частности, об О.М. Ковалевском, Г. Галсанове, роман-диалогия

Ч.-Д.Ц. Цыдендамбаева и др. Большой достоверный материал извлечен из работ историков монголоведения Д.Б. Улымжиева и статей О.Н. Полянской. Довольно хорошо исследованная биография и опубликованные результаты научной деятельности ученого, а также материалы по истории монголоведения, часто имеющие непосредственное или косвенное отношение к нему, несомненно, представляют достоверную верифицированную источниковую базу для рассмотрения заявленной проблемы. В статье также используются электронные источники, включая указанные документальный фильм и спектакль, и статьи в газетах. В предложенном контексте биография ученого ранее не рассматривалась.

В XIX в. из-за внешнеполитических интересов России и западноевропейских государств на Востоке возрастает научный интерес к монгольским народам, проживающим в трансграничье. О.Н. Полянская отмечает, что из-за удаленности и малоизученности южной окраины Сибири, граничащей с Китаем, для исследования направляли «людей, образованных, нечуждых уважения к другим», гуманный подход которых к инородцам позволил российскому государству проводить долгосрочную дальневосточную политику [6, с. 56].

Как известно, в XIX в. для изучения монгольских языков в Забайкалье были командированы О.М. Ковалевский (1808–1878), знаток нескольких иностранных языков, в том числе татарского, и выпускник Казанского университета, знавший персидский и татарский языки А.В. Попов (1808–1865). Впоследствии он стал известным монголоведем, работал некоторое время в университете на кафедре монголоведения, за «Монгольскую хрестоматию» он получил орден Св. Станислава 4-й степени. Имя О.М. Ковалевского, внесшего огромный вклад в развитие научного монголоведения, широко известно.

Результаты. К тому времени в России изучение монгольских народов Внутренней Азии, их языка, нравов и обычаев уже практиковалось. В 1725 г. при Вознесенском монастыре Иркутска появилась первая в России «мунгало-русская» школа, где монгольскому языку обучали русских детей священников и способных сирот, реже – детей служивых и крестьян. В контексте заявленной темы статьи в этом процессе обращают на себя внимание следующие факты взаимодействия российских организаторов школы с бурятами, в том числе с буддийскими дацанами. Они запросили для копирования у забайкальских лам семь книг монгольского письма. Впоследствии были приобретены еще другие монгольские рукописи, в том числе эпос «Гэсэр». Остро стояла проблема подбора учителей. Для преподавания монгольского и китайского языков пригласили из Забайкалья ламу Лапсана, после крещения нареченного Лав-

рентием Ивановичем Неруновым. Позднее у него появился помощник, новокрещенный бурят Николай Щелкунов. Оба не знали русского языка, поэтому для ведения уроков пригласили переводчика из Селенгинска Ивана Пустынникова [7].

Это были одни из первых серьезных шагов по практике взаимодействия бурятской/внутриазиатской традиционной и российской/европейской научной культур в сфере образования. Этому способствовало наличие образованных бурят-буддистов со знанием старомонгольской письменности, получивших достаточно глубокие знания в буддийских монастырских школах. Фундамент для начала научного изучения монгольского языка в России был заложен в немалой степени благодаря привлечению к работе образованных бурят, а также обучения в российских образовательных учреждениях носителей языка, бурят. В XIX в. традиция продолжилась в народных училищах, духовной семинарии и на частных курсах. Эти материалы свидетельствуют о том, что обучение Д. Банзарова в Русско-монгольской войсковой школе в Троицкосавске, с одной стороны, не было чем-то чрезвычайным, но с другой, было связано с началом следующего, более серьезного этапа в истории монголоведения.

В первой четверти XIX в. Казанский университет планирует открытие кафедры монгольского языка и отправляет в Иркутскую губернию и Забайкальский край двух специалистов для обучения языку и изучения истории и культуры монгольязычного народа, бурят. Знатком монгольского языка и культуры в первой половине XIX в. в регионе был А.В. Игумнов, к нему на обучение были направлены О.М. Ковалевский и А.В. Попов [8, с. 35]. В Сибири казанские востоковеды пробыли с 1828 до начала 1833 гг. О.М. Ковалевский около четырех лет работал среди бурят, дважды побывал в Монголии, а в 1830 г. совершил поездку с XI Российской духовной миссией в Китай и вернулся в Россию в составе X духовной миссии [1, с. 80]. В это время начались его исследования по монгольским языкам и ламаизму, положившие начало новому этапу в развитии российского научного монголоведения. Во время экспедиционных поездок, помимо разговорной практики в монгольском языке, он изучал фольклор и памятники книжной культуры, традиции и обряды бурят и монголов [9]. О.М. Ковалевскому помогали многие буряты, об этом он сообщал в Совет Казанского университета, называя имена. Среди них главный 18-ти Селенгинских родов тайша Ломбо Цыренов (Юмдэлэк Ломбоцыренов), бывший известным летописцем; цонгольские ламы: Ширету лама Лопсан Дампил Дыльков и Цзасак лама Вандун Дугаров; священнослужители Кулуннорских кумирен: Гемпилов, Дзамбалов, Гомбоев; ла-

ма Ацагатских кумирен Вампилов; помощник тайши Селенгинских родов Няндак Вампилон. Позднее они стали официальными корреспондентами Казанского университета и сохраняли связь с О.М. Ковалевским. Он высоко ценил Н. Вампилона, который организовал открытие школы при Селенгинской Степной думе и строительство дацана, отправил бурятских мальчиков на учебу в Казань, среди которых был Доржи Банзаров, посылал в Казань рукописи, ксилографы и предметы буддийского религиозного культа для кабинета редкостей Казанского университета. Особо выделял ученый бурята Ринчина (Иринчен-Нима) Ванчикова, образованного человека, знавшего русскую и монгольскую грамоту. Он в определенной мере помогал изучать монгольский язык О.М. Ковалевскому и А.В. Попову в Иркутске. Интересным корреспондентом монголоведа был лама Долсом Доржи Гемпилов, тайша Тугулду Тобоев и др. [6, с. 57, 58]

Работа и тесное сотрудничество О.М. Ковалевского с образованными бурятами, знатоками истории и культуры народа, с ценными информантами, свидетельствует о том, что знание Д. Банзаровым традиций и культуры бурят, до монгольского совершеннолетия прожившего в традиционной среде, безусловно, также ценилось позднее в стенах университета. О.М. Ковалевский выступал за просвещение бурят, подчеркивая их острый ум и превосходную память, способность к учебе и восприятию наук. Он был инициатором открытия в 1833 г. Русско-монгольской войсковой школы в Троицкосавске, куда в тот же год поступил Д. Банзаров [10, с. 10, 14, 15].

Стремление к взаимодействию в области образования и культуры исходило как с российской, так и с бурятской стороны. Об этом свидетельствует факт двухсторонней инициативы об отправлении бурятских мальчиков для обучения в Казань. В 1835 г. по инициативе Н. Вампилона, думается, не без договоренности с О.М. Ковалевским, и ходатайству попечителя Казанского учебного округа принято государственное решение о принятии в Казанскую гимназию на казенное содержание четырех мальчиков-бурят и одного ламы — в Российской империи существовала потребность исследования Китая и Тибета. Было признано, что такой шаг принесет пользу России [11, с. 8, 9]. Очевидно, что выбор для обучения мальчиков из Селенгинской степной думы также не случаен. Многие приграничные селенгинские буряты, цонголы и сартулы, говорят на цонголо-сартульском диалекте бурятского языка, близкого халхасско-монгольскому диалекту, имеющего в Монголии статус государственного языка. Владение цонголо-сартульским говором значительно облегчало изучение монгольского литературного языка.

К тому времени Д. Банзаров за один год окончил курс Харацайского приходского училища [12], хотя земляк Д. Банзарова Р. Шагжитаров в своем интервью в документальном фильме утверждает, что в нем он учился 2 года [5]. Харацай (Харацайская крепость) основан в 1727 г. русскими казаками как караульный пункт, в 1860 г. переименован в Атамано-Николаевскую станицу 1-го отдела Забайкальского казачьего войска. Ныне с. Харацай Закаменского района с населением 325 чел. расположено на границе с Джидинским районом Бурятии. С 1833 г., как сын казачьего пятидесятника Ашебагатского полка из селенгинских родов Банзара Боргонова и внук сотника Боргона, Д. Банзаров учился в Русско-монгольской войсковой школе и через три года закончил ее с отличием. 25 января 1836 г. Д. Банзаров зачислен в первый класс Первой Казанской гимназии, которую окончил в 1842 г. с золотой медалью.

Вместе с мальчиками в Казань поехал Галсан Никитуев, назначенный воспитателем, он также проводил практические языковые занятия с учащимися гимназии и студентами. После его вынужденного возвращения на родину, О.М. Ковалевский обратился к хамбо-ламе Забайкальских дацанов с просьбой подобрать подходящую кандидатуру, который рекомендовал молодого ламу Гусиноозерского дацана Галсана Гомбоева (1818/1822(?)-1863). Из открытых источников известно, что Г. Гомбоев — селенгинский бурят, отец — старейшина 5-й сотни казачьего Атаганова полка. С 1829 г. учился в дацане у буддийских монахов, в 1834 г. получил сан гецул-ламы и назначен писарем Хамбо-ламы. В дацане изучал тибетский и монгольский языки, основы тибетской медицины. Эти биографические данные свидетельствуют о раннем взрослении бурят. Он был почти ровесник своих подопечных, но, безусловно, образованнее и опытной благодаря обучению с малых лет в буддийском монастыре и раннему приобщению к ответственной работе. О.Н. Полянская пишет, что с июня 1842 г. он был утвержден в должности надзирателя Первой Казанской гимназии. Его работа, как и других надзирателей из инородцев, регламентировалась программами и инструкциями: он ежедневно давал по два урока практических занятий по чтению и письму по-монгольски и по-тибетски [13, с. 44].

В 1842 г. Д. Банзаров поступил на восточное отделение философского факультета Казанского университета, который закончил в 1846 г. с дипломом кандидата наук за представленную диссертацию «Черная вера, или Шаманство у монголов». Она была опубликована в том же году в «Ученых записках Казанского университета» и получила высокую оценку востоковедов. Его планировали оставить преподавателем всеобщей истории в Казанской гимназии. Д.Б. Улымжиев от-

мечает, что обучение бурят было вызвано нуждами Российской империи для их дальнейшей работы на благо отечества. Планировалось, что выпускники гимназии и университета могут впоследствии быть отправлены для углубления знаний в Монголию и Китай [11, с. 8, 9, 11].

Однако получивший в молодые годы признание научный авторитет Д. Банзарова, его глубокие знания и высокий научный потенциал не были востребованы. Это одна из загадок биографии ученого. После восьми лет активной работы в самой гуще научного монголоведения в Казани и Санкт-Петербурге он достаточно полно адаптировался в этой среде. При этом не подвергалось сомнению то, что он был достаточно социально адаптирован к жизни в европейской научной среде. Почему непреодолимым препятствием оказалась его принадлежность к казачьему сословию? Больше года длилась переписка попечителя Казанского учебного округа с министерством просвещения, вызвавшего его в конце 1847 г. в Санкт-Петербург для аттестации знаний, куда он выехал в январе 1848 г. В ожидании ответа на запрос до середины июня этого года он провел в Санкт-Петербурге. Здесь он нашел признание в кругу востоковедов, постоянно занимался научной деятельностью. Это был лучший период его жизни. Из казачьего сословия он не был уволен под предлогом опасения создания прецедента. Невозможность отчисления Банзарова из сословия казаков становится еще более загадочной на фоне того, что в 1860 г., через четыре года прошений, из разряда казаков был отчислен Г. Гомбоев. Это позволило ему добиться успехов в изучении источников по монгольской истории. В Петербурге он стал авторитетным ученым в области монголоведения [14, с. 22, 23]. Вероятно, здесь сыграл свою роль разрыв между событиями в 12 лет.

В виде исключения Д. Банзарову из сословия казаков вместо 25-летней службы в армии разрешили поступить на работу в Главное управление Восточной Сибири в Иркутске [11, с. 11]. Основанием для приема инородца на чиновничью службу, вероятнее всего, стало то, что Николай I, в 1827 г. специальным указом окончательно запретивший прием на службу лиц из податных сословий, сделал исключение для выпускников учебных заведений, дававших при окончании курса классные чины (университеты, духовные академии и семинарии, лицеи и училища высших наук). Кроме того, основанием мог стать Университетский устав 1835 г., дававший право окончившим курс с отличием сразу поступать на службу в министерства [15].

Д. Банзаров был назначен чиновником особых поручений при генерал-губернаторе Восточной Сибири. Для этого он прошел стажировку в штате

губернаторских чиновников в Казани, что позволило ему еще какое-то время находиться там. Даже во время стажировки он находил время для научной работы. В апреле 1850 г. он приступил к службе в Иркутске, связанной с постоянными и длительными поездками, где и умер в 1855 г., как многие считают, при загадочных обстоятельствах. Так он был лишен возможности посвятить себя науке [11, с. 11–13]. На это обращал внимание Н.А. Некрасов. В рецензии на брошюру П.С. Савельева он писал о Д. Банзарове: «После жизни в Петербурге и Казани, в кругу ученого сословия, жизнь в Иркутске не была благоприятною для развития дарований и деятельности Банзарова» [16, с. 138]. Д. Банзаров находился в переписке с учителями и старшими коллегами О.М. Ковалевским, А.В. Поповым П.С. Савельевым, А.Ф. Шифнером и др., но этого было явно недостаточно. Он мечтал поехать в Китай в составе XIII Русской духовной (православной) миссии в Пекине, которую возглавлял Палладий Кафаров, в качестве переводчика и просил П.С. Савельева хлопотать за него в Азиатском департаменте Министерства иностранных дел. Там он планировал изучать китайский язык и историю Китая [17, с. 7, 8].

Чиновничья служба Д. Банзарова, ставшего в 1853 г. титулярным советником (гражданский чин IX класса), была не по его мягкому характеру и слабому здоровью, на что указывал П.С. Савельев [4]. Она была далека от его профессиональной подготовки и заключалась в выявлении на местах проживания бурят (Кяхта, Верхнеудинск, Чита и др.) фактов коррупции, служебных злоупотреблений, беззакония и пр. Безусловно, эта работа была мучительной для него и с физической, и с психологической точек зрения. Длительные командировки в удаленные места отнимали много сил, денег и нервов. Сам он писал в 1852 г. И.Н. Березину: «Я долго прожил между бурятами, производил следствия строго, одним словом, дела вел не политично; меня на десять дней посадили на гауптвахту, но все-таки ничего со мною нельзя было сделать. Я остался на месте, и теперь с губернатором в таких же отношениях, как и прежде. Но всего того, что было на сказано на меня теми, которым нравится мое место, не хочу описывать, потому что для описаний всегда найдутся сюжеты более благородные, нежели эти вещи» [18, с. 132]. Очевидно, что сидел он по наговору, изложенной в жалобе.

Обсуждение и заключение. Приведенные факты свидетельствуют о том, что Забайкалье, благодаря трансграничному положению, становится своеобразным плацдармом для развития российского монголоведения, а буряты, монголыязычный народ Внутренней Азии, особенно трансграничное население — бурятские казаки-буддисты — вовлекаются в этот процесс. Буряты стремились к обра-

зованию и, как правило, отдавали одного, чаще старшего, сына в монастырские школы. По указанию сверху и по собственной инициативе создавали училища и школы, которые содержались в основном за счет местного населения или за счет благотворительности отдельных лиц. Поэтому, не имея постоянного финансирования, они нередко закрывались. Особое место среди открытых в первой половине XIX в. училищ занимает основанная в июле 1832 г. и открытая в 1833 г. Русско-монгольская войсковая школа в Троицкосавске, преобразованная в Селенгинское городское училище в 1888 г. Учащиеся школы находились на полном пансионном обеспечении и наряду с общеобразовательной подготовкой получали военную подготовку. Она внесла заметный вклад в подготовку писарей, урядников в бурятских казачьих полках, переводчиков в пограничных управлениях Забайкалья, учителей приходских училищ. Ее окончили дипломат И.П. Шишмарев, участник заключения Айгуньского договора с Китаем и первый русский консул в Монголии; монголист Будажап Кутухтуев, переводчик при Новой Пекинской духовной миссии; первый бурятский ученый Доржи Банзаров [19, с. 20].

Неслучайны подбор для обучения монгольскому языку в Казани выходцев из табангутского рода, владеющих цонголо-сартульским диалектом, и приглашение лам в качестве воспитателей и преподавателей практических занятий по языку. Известно, что распространение буддизма играло большую роль в создании образованного слоя в среде бурят. Буддийские школы пользовались большой популярностью у бурятского населения. Г.Ц. Цыбиков, посетив Тибет, писал, что монастыри «служат ныне не столько убежищем отрекшихся от мира аскетов, сколько школами для духовенства, начиная от обучения азбуке до высших пределов богословских знаний» [20, с. 18]. Такая же ситуация была в Забайкалье. Количество учащихся (*хуварак*) в дацанах Забайкалья в конце XIX в. достигало 6–7 тыс. чел., а в 6 правительственных училищах — не больше 150 чел. В первые годы советской власти, в 1929 г., в 73-х дацанских школах обучалось около 4 тыс. хувараков. Все это свидетельства того, что буддийские дацаны являлись центрами культуры, науки и образования для бурятского народа [19, с. 20]. Поэтому привлечение Российской империей бурят к взаимодействию в области образования и науки, а конкретно для развития монголоведения, было не случайным и перспективным предприятием. Обучение бурят как носителей монгольского языка в Казанской гимназии, а потом в Казанском университете имело тактическое значение для развития торговых и укрепления дипломатических отношений с Китаем, миссионерской деятельности Русской православной

церкви, развития научного востоковедения, в частности монголоведения, и т. д.

О.М. Ковалевский курировал Д. Банзарова на всем протяжении его жизни в Казани, неоднократно обращался к попечителю Казанского учебного округа М.Н. Мусину-Пушкину, который способствовал, по возможности, решению проблем. Р.М. Валеев во время интервью в документальном кино об ученом говорит, что по их ходатайству Д. Банзаров был отправлен в 1848 г. на средства Казанского университета в Санкт-Петербург для получения ответа на его запрос о выходе из сословия казаков. За эти полгода он познакомился с кругом востоковедов, углубил свои знания в востоковедении, принес пользу Азиатскому музею и написал ряд работ [5].

Думается, что на становление Д. Банзарова как личности и ученого, помимо профессоров и преподавателей Казанского университета, немалое влияние оказали Г. Никитуев, а позже Г. Гомбоев, бывший ненамного старше его, а может быть, и ровесником. Созданное сообщество знатоков бурятской традиционной культуры из его коренных носителей и российских специалистов явилось благоприятным фоном для начала научной деятельности Д. Банзарова. Был создан интеллектуальный ландшафт для научных изысканий. Немаловажную роль в том, что бурятский подросток сумел выстоять в новых социальных условиях вдали от родины и родителей и вырасти в известного ученого-монголоведа, сыграла специфика воспитания у детей у кочевников Внутренней Азии. Способы и приемы социализации детей у них, в том числе у бурят, были направлены на формирование психологической устойчивости и гибкости мышления [21, с. 182].

В исследованиях о научной работе ученого не упоминается о том, что он писал о вещах, известных ему из личных наблюдений и опыта. Трудно согласиться с Г.Н. Румянцевым, предполагавшим, что из-за слишком юного возраста он пользовался только сведениями лам Г. Никитуева и Г. Галсанова [22, с. 103]. В Казань он приезжает 13-ти лет, по бурятскому исчислению в 14, что для монгольских народов являлось достаточно зрелым возрастом. Косвенным подтверждением этого является то, что, несмотря на воздействие православных миссионеров, он остался буддистом и похоронен по буддистскому обряду [23, с. 179, 180]. При этом, в отличие от Г. Галсанова, с 7 лет находившегося на обучении в буддийском монастыре, Д. Банзаров жил в традиционной повседневной среде мирян, мало подвергавшейся изменениям, в окружении своих сородичей. Он находился в гуще народа, проживающего в условиях традиционного кочевого образа жизни. Поэтому думается, что не случайно университетом делался запрос на обучение четырех мальчиков из народной среды и одного ламы.

К сожалению, автор романа-дилогии о Д. Банзарове Ч.-Д.-Ц. Цыдендамбаев, увлеченный проблемой классового расслоения дореволюционного общества, картины традиционной повседневности бурят XIX в. просто обозначает мелкими штрихами, ограничиваясь узким перечнем того, что обосновывало дальнейшие научные темы Д. Банзарова: слушает сказителя, наблюдает камлание шамана, увлечен лошадьми и конными скачками, мечтает собирать материалы по улусам и писать про все, что увидит: какие унты и халаты носят, какие песни поют и т. п. Все это описывается вскользь, в отличие от многочисленных примеров классовой несправедливости в бурятском улусе. Тем не менее, трудно не согласиться с мнением Л.Ц. Халхаровой, дающей высокую оценку роману-дилогии. Она верно отмечает, что Ч.-Д.-Ц. Цыдендамбаев выявляет то, что традиционные ценности бурят становятся основой формирования и становления характера мальчика Доржи. Исследователь обоснованно пишет: «Основной идеей романа Ч. Цыдендамбаева является мысль о формировании характера и взглядов юного Доржи Банзарова, решающую роль в развитии которого сыграла жизнь бурятского народа, богатая перипетиями, полная острых противоречий. Эти противоречия автором показываются с разных сторон: то через восприятие маленького Доржи, то через изображение эпизодов из жизни народа. Сам Доржи является частицей этой жизни» [24, с. 372]. В романе-дилогии просматривается знание Д. Банзаровым еще до отъезда в Казань жизни сельского и городского русского народа, с которыми он вплотную сталкивается постоянно, так как взаимодействие бурят и русских в тот период было достаточным, а бурят-казаков особенно. Особую роль в этом бытовом и культурном межэтническом взаимодействии играют учеба в Троицкосавске и жизнь в пансионе-интернате, где он прошел школу выживания в подростковой мальчиковой среде. В Казань он приезжает человеком, прожившим вдали от родных в маленьком приграничном городе, близко общавшимся с кругом русских детей и преподавателей.

Биография и труды Д. Банзарова, одного из первых российских инородцев, достигших признания в мировой и российской науке, привлекали внимание научных работников, общественности, государственных органов. Немалая доля внимания к личности была обусловлена не только его актуальными, значимыми до настоящего времени научными результатами, но и в немалой степени его этнической принадлежностью и социальным происхождением (инородец, казак). Его биография служила, с одной стороны, примером либерального отношения российского общества к инородцам, а с другой, примером отсутствия в закрытом соци-

уме XIX в. социального лифта, вертикальной мобильности, не позволившей высококвалифицированному специалисту выйти за пределы своего сословия и оказавшемуся в научном вакууме. Этот капкан — неостребованность огромного научного потенциала и невозможность реализации амбициозных научных планов в условиях сибирского губернского Иркутска, где интеллектуальный ландшафт был ограничен, стал причиной жизненной трагедии. Здесь понятие «интеллектуальный ландшафт» используется как динамичная, сложно организованная структура, погруженная в социокультурную среду, состоящая из отдельных акторов и сетевых единств, объединенных коммуникативными связями, позволяющими им генерировать эмоциональную энергию и создавать знание [24, с. 27]. Об отсутствии такой организованной структуры в губернском сибирском городе того времени, где не было еще университета, свидетельствует то, что в Иркутске Д. Банзаров был избран в члены Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества, но не нашел здесь привычной ему профессиональной научной среды востоковедов [11, с. 13]. Также препоном для научной деятельности стали отсутствие книг, бытовых условий, служебные обязательства чиновника особых поручений с длительными командировками в удаленные регионы для разрешения коррупционных дел, отнимающие время и душевные силы.

Выводы. Приведенные материалы открывают новые грани взаимодействия бурят и русских в Российской империи, демонстрируют, что оно проходило не только на социально-экономическом уровне повседневной жизни, но выходило далеко за его пределы и имело отношение к развитию российского монголоведения. Серьезно изученная специалистами биография и научная деятельность Доржи Банзарова и история российского монголоведения предоставляют бесценные достоверные верифицированные факты для изучения многих актуальных проблем отечественной истории, в частности истории взаимодействия бурят-

ской/внутреннеазиатской традиционной и русской/европейской научной культур в первой половине XIX в. Материалы свидетельствуют о том, что Забайкалье благодаря трансграничному положению становится для России своеобразным плацдармом для развития монголоведения, а буряты, монголоязычный народ Внутренней Азии, особенно трансграничное население — бурятские казаки-буддисты — вовлекаются в этот процесс. Этому способствуют, помимо трансграничного положения бурят, монголоязычного народа, наличие диалекта, близкого монгольскому литературному языку, активное развитие буддийского образования, развитие печатного дела в бурятских дацанах, поставляющих печатную продукцию на старомонгольском и тибетском языках, образованных лам и бурят-мирян, которые владели языками, писали исторические летописи и т. д. Благодаря глубокому взаимодействию бурятской/внутреннеазиатской традиционной и русской/европейской научной культур в первой половине XIX в. наибольшего успеха и известности добивается Доржи Банзаров, первый российский европейски образованный ученый-бурят. Его достижение не случайно, логично и вписывается в канву взаимодействия на исследуемом уровне. Об этом говорит тот факт, что он первый, но не единственный бурят, ставший известным монголоведом. Вслед за ним вырастает целая плеяда известных российских монголоведов, выходцев из бурят. Высокий уровень такого взаимодействия имел важное практическое значение для развития научного монголоведения, укрепления международных отношений России с Китаем, имеющих важное социально-экономическое значение для страны.

Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Россия и Внутренняя Азия: динамика геополитического, социально-экономического и межкультурного взаимодействия XVII–XXI вв.», номер госрегистрации 121031000243-5.

Литература

1. Валеев Р.М., Валеева Р.З., Мартынов Д.Е., Сахарова Л.М. Рукописный дневник «Dziennik zatrudnien» и архивные материалы о наследии О.М. Ковалевского из фондов Гос. архива Республики Татарстан // Монголоведение в современном мире: опыт исследований, перспективы развития: материалы междунар. науч. конф. «Ульмжиевские чтения – X». Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2019. С. 77–87.
2. Цыренов Б.Д. Проблемы составления диалектологического словаря бурятского языка // Вестн. Бурятского науч. центра СО РАН. 2012. № 1 (5). С. 176–181.
3. Найдаков В.Ц. Предисловие // Доржи Банзаров. Собр. сочинений. 2-е изд., доп. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского науч. центра СО РАН, 1997. С. 5–7.
4. Савельев П.С. О жизни и трудах Доржи Банзарова. СПб., 1855. 43 с.
5. Первый бурятский ученый Доржи Банзаров. [Электронный ресурс]. URL: <https://arigus.tv/news/video/200/152428/> (дата обращения: 17.02.2021).
6. Полянская О.Н. Деятельность сибирской интеллигенции первой половины XIX в. по изучению истории и языка монгольских народов // Изв. лаборатории древних технологий. 2016. № 2 (19). С. 55–61.
7. Гаращенко Л.В. «Мунгальская» школа в Иркутске. [Электронный ресурс]. URL: http://irkipedia.ru/content/mungalskaya_shkola_v_irkutske (дата обращения: 18.01.2021).
8. Полянская О.Н. Научное монголоведение в России: этапы становления и развития // Вестн. Бу-

- рятского гос. ун-та. 2014. № 1. С. 33-44.
9. Полянская О.Н. О.М. Ковалевский – исследователь Центральной Азии // Вестн. Евразии. 2001. № 4. С. 20-34.
 10. Полянская О.Н. Профессор О.М. Ковалевский и Бурятия // Поляки в Бурятии. Улан-Удэ, 1998. С. 6-20.
 11. Улымжиев Д.Б. Научный подвиг // Доржи Банзаров. Собр. сочинений. 2-е изд., доп. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского науч. центра СО РАН, 1997. С. 8-21.
 12. Дугаржапов Т. Как Бурятский госуниверситет возвратил имя Доржи Банзарова. [Электронный ресурс]. URL: <https://newbur.ru/n/46114/> (дата обращения: 18.01.2021).
 13. Полянская О.Н. Ученик рос. ученого-монголоведа О. М. Ковалевского – Галсан Гомбоев (1818-1863). К 200-летию со дня рождения // Вестн. БГУ. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2018. Вып. 2. С. 43-47.
 14. Улымжиев Д.Б. Бурятский ученый-востоковед Галсан Гомбоев (1818-1863). К 175-летию со дня рождения. Улан-Удэ, 1993. 352 с.
 15. Писарькова Л.Ф. Российский чиновник на службе в конце XVIII - первой половине XIX века // Человек. 1995. № 3. С. 121-139. URL: <https://statehistory.ru/4708/Rossiyskiy-chinovnik-na-sluzhbe-v-kontse-XVIII-pervoy-polovine-XIX-veka/> (дата обращения: 14.02.2021).
 16. Некрасов Н.А. «О жизни и трудах Доржи Банзарова» П. Савельева // Полное собр. соч. и писем в 15 т. Т. 11. Кн. 2. Критика. Публицистика (1847-1869). Л.: Наука, 1990. С. 138-140.
 17. Улымжиев Д.Б. Доржи Банзаров в оценке деятелей науки и литературы // Тез. и доклады Междунар. науч.-теоретической конф. «Банзаровские чтения-2», посвящ. 175-летию со дня рождения Доржи Банзарова. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1997. С. 3-10.
 18. Письма и документы Доржи Банзарова // Доржи Банзаров. Собр. сочинений. 2-е изд., доп. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1997. С. 121-150.
 19. Маланов И.А. Становление образовательного пространства в Бурятии с XVIII до начала XX века // Вестн. Бурятского гос. ун-та. 2011. № 1. С. 17-23.
 20. Цыбиков Г.Ц. О центральном Тибете // Избранные труды в 2-х т. Новосибирск: Наука, 1981. Т. 2. С. 8-26, 18.
 21. Маланов И.А. Влияние кочевого образа жизни бурят-монголов на становление образовательного пространства // Вестн. Бурятского гос. ун-та. 2012. № 52. С. 172-182.
 22. Румянцев Г.Н. «О черной вере или шаманстве у монголов» Д. Банзарова // К столетию со дня смерти Д. Банзарова. Улан-Удэ, 1955. С. 99-127.
 23. Жамбалова С.Г. «Черная вера, или шаманство у монголов» Д. Банзарова как этнографическое исследование // Тез. и доклады Междунар. науч.-теоретической конф. «Банзаровские чтения-2», посвящ. 175-летию со дня рождения Д. Банзарова. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1997. С. 178-181.
 24. Халхарова Л.Ц. Жанр историко-биографического романа в творчестве Ч. Цыдендамбаева // Мир науки, культуры и образования. 2016. № 5 (60). С. 370-374.
 25. Василькова В.В., Басов Н.В. Интеллектуальный ландшафт: концептуализация метафоры // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т. 14. № 4. С. 22-40.